

РОССИЯ В МЕМУАРАХ

Новое
Литературное
Обозрение

С. Н. Чекин

Воспоминания самарского анархиста

Новое
Литературное
Обозрение

Москва, 2024

УДК 929Чекин С.Н.
ББК 63.3(2)6-8Чекин С.Н.
Ч-37

Серия выходит под редакцией
А. И. Рейтблата

Вступительная статья, составление, подготовка текста,
комментарии *Л. С. Чекина*

Чекин, С. Н.

Ч-37 Воспоминания самарского анархиста / сост., вступ. статья и комментарии — Л. С. Чекин. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 480 с.: ил. (Серия «Россия в мемуарах»)

ISBN 978-5-4448-2284-5

Выходец из крестьянской среды Сергей Николаевич Чекин (1897–1970), анархист по убеждениям, окончивший медицинский факультет Самарского университета, был в 1940 году репрессирован и десять лет провел в лагере. Освободившись, он работал врачом, а в 1963–1969 годах создал несколько мемуарных повестей, в которых описал существовавшую в его родном селе в 1905 году Старобуянскую республику, свое участие в Первой мировой войне, учебу в послереволюционной Самаре и работу сельским и городским врачом, суд и лагерный опыт, восстание в Печорском лагере. Рассказывающие о трагических поворотах одной частной судьбы, воспоминания С. Н. Чекина в то же время служат ценным источником по истории крестьянской интеллигенции и русского анархизма, а также по местной истории. Воспоминания подготовлены к печати внуком автора, историком Л. С. Чекиным.

УДК 929Чекин С.Н.
ББК 63.3(2)6-8Чекин С.Н.

На обложке: портрет С. Н. Чекина в Печорлаге в 1943 г.,
открытка с видом ж/д вокзала Самары,
рисунок «Арестованные руководители Старобуянской республики» 1905 г.

© Л. С. Чекин, составление, вступ. статья, комментарии, 2024
© Ю. Васильков, дизайн обложки, 2024
© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. С. Чекин. Сергей Николаевич Чекин</i> и его автобиографические повести	5
---	---

Повествование Трудникова Петра Петровича

[О моем общении с Петром Петровичем]	24
[Предисловие Петра Петровича]	24
[Под соломенной крышей]	27
[Старобуаянская республика]	49
[Школьные годы]	61
[Турецкий фронт]	77
[Революция]	85
[Голод]	95
[Сельский врач]	105
[Сын]	122
[Арест]	130
[Суд]	161
[Этапы]	172
[Концлагерь]	179
[Таня Разумовская]	212
[Особорежимная пятнадцатая]	227
[Освобождение]	242
[Неверноподданный гражданин]	261

Приложение

<i>Фома Неверующий. Таня Разумовская</i>	282
<i>Иван Иванович</i>	347
<i>Документы следствия и суда по делу С.Н. Чекина</i>	401
<i>Комментарии</i>	425
<i>Указатель имен</i>	459

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕКИН И ЕГО АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

Сергей Николаевич Чекин (19 сентября (1 октября) 1897 — 10 июня 1970) — анархист, сельский, самарский и лагерный врач. Был он пятым сыном в крестьянской семье Николая Павловича Чекина и Дарьи Георгиевны (Егоровны) Шевариной. Его отец Николай Павлович в возрасте 21 года был призван во флот на семь лет. Там отец научился читать и писать, а также проникся свободолюбивыми идеями, которые и передал сыну.

Село Старый Буян, место рождения С.Н. Чекина, занимает центральное место в географическом пространстве его воспоминаний, подобно Иерусалиму на позднесредневековых картах. А реку Кондурчу, на берегах которой автор вырос и проникся идеями анархизма, он сравнивал с рекой Иордан. Что же такое Старый Буян? Ныне это село в Красноярском районе Самарской области. Оно потеряло свое бывшее значение центра Старобуянской волости, состав населения там сильно изменился, да и окрестности, через которые проходит нефтепровод «Дружба», теперь менее живописны. На месте Успенской церкви в 1960-е гг. построили клуб, но и революционное прошлое села сейчас «не в моде»¹. А ведь в Первую русскую революцию, в ноябре 1905 г. собравшийся в селе Народный съезд Старобуянской волости провозгласил народное самоуправление, просуществовавшее две недели и вошедшее в историю как Старобуянская республика. Во времена Старобуянской республики Сергею было только восемь лет, но яркую память о тех событиях он сохранил на всю жизнь, как и веру в революционное творчество трудового народа.

Из шести сыновей Николай Павлович двоих оставил крестьянствовать, остальных отправил учиться. Сергей поехал получать образование

¹ На этом фоне следует отметить работу учителя истории и обществознания общеобразовательной школы с. Старый Буян Н.К. Гориной, которая ставит перед собой задачу привить учащимся интерес к местной истории.

в Самару. Учился с перерывом на Первую мировую войну, на которую отправился вольноопределяющимся вслед за старшим братом Александром. Окончив Горийскую школу прапорщиков, он в должности командира конного транспорта принимал участие в операциях российской Кавказской армии против армии Османской империи. Первоначальное патриотическое воодушевление постепенно сменилось в нем стойким отвращением к войне, в которой он увидел бессмысленное истребление трудящихся их извечным врагом, государственной властью. В 1917 г. Сергей получил приказ о демобилизации и вернулся с фронта на родину. А в 1918 г. продолжил образование, сперва на подготовительных курсах, а затем на естественно-медицинском факультете Самарского государственного университета.

Осматриваясь в революционной Самаре, он посещал диспуты и собрания всевозможных партий и выбрал из всех учений крайнее левое, созвучное идеям крестьянской Старобуянской республики, — учение анархистов, что и определило его будущую тюремную и гулаговскую судьбу. Университет он окончил в 1923 г., потом работал врачом, сначала сельским, в Поволжье, на Южном Урале, на севере Казахстана, а с 1932 г. в Самаре. В 1940 г. Чекин был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. В качестве вещественных доказательств были изъяты книги, в том числе репрессированных коммунистов, и его собственные стихи об анархизме.

Но Чекин сохранил приверженность анархизму, пройдя через опыт тюрьмы и Печорского лагеря. И в эти самые страшные времена он собирал свидетельства о проявлениях свободного человеческого духа, таких как восстание в одном из лагерных подразделений — штрафной колонне № 15 пятого строительного отделения Севпечлага. О свободе ему напоминала и природа, которую он боготворил. Учение анархистов давало надежду на избавление от чиновничьей, бюрократической, кастово-классовой, партийно-государственной власти, задачей которой, как он не устал повторять, во все времена являлась политическая, моральная и экономическая эксплуатация трудового народа — «трудников», хотя эта власть и могла рядиться в самые распролетарские, народные и демократические одежды.

После возвращения из лагерей ему было очень непросто обустроить свою жизнь. Жена его не дождалась и создала новую семью, вернуться в Самару он не мог — приговор предусматривал запрет проживания

в крупных городах. Найти работу врачом было непросто из-за предвзятого отношения чиновников к бывшим политзаключенным. Судимость с Чекина была снята на заседании Президиума Верховного совета РСФСР 2 ноября 1956 г., однако при пересмотре дела в 1957 г. приговор был признан хоть и чересчур суровым, но частично правильным. Полная реабилитация последовала только в 1992 г.

Сергей Николаевич Чекин — мой дед, с которым мне посчастливилось общаться первые десять лет моей жизни. Мы встречались у него летом в Ставрополе-на-Волге, который поменял в 1964 г. название на Тольятти, ездили в Старый Буян, жили в шалаше на берегу реки Кондурчи. Иногда и дед ненадолго приезжал в Москву осенью, зимой или весной. Он давал мне читать свои стихи и даже предлагал написать ему, «что там плохо, хорошо, и будешь соавтором моим». Помню и то, как он работал над мемуарными повестями, которые он мне собирался показать, когда я вырасту. О концлагерном опыте он ребенку не рассказывал, хотя и из его разговоров, и из замечаний родных я уже понимал, что дед был непримиримым врагом любого государства.

Уже подростком я принялся за поиски его тетрадей. Но в то время их от меня скрывали. Теперь я вижу, что причина была не только в отношении деда к властям предрежащим, хотя, конечно, подрывной потенциал в его анархистских рассуждениях сохранялся. Но он искренне описывал и свою несчастливую личную жизнь, и жизнь своего единственного и любимого сына Сергея. В тетрадях есть горькие упреки в адрес моих матери и бабушек. Только в середине 1980-х гг. отец счел меня достаточно взрослым для чтения воспоминаний. Одну из тетрадей, посвященную мне повесть «Таня Разумовская», он передал мне для хранения, остальные оставил у себя, поскольку планировал когда-нибудь перепечатать на пишущей машинке, но сделать этого не успел.

Получив после смерти отца в 2000 г. большую часть сохранившихся рукописей, я тоже не спешил их разбирать. Только в 2008 г. по просьбе жены я решил перепечатать некоторые из тетрадей, чтобы сохранить для семейного чтения. А когда перепечатал, увидел, что значение их шире. Дед писал о Старобуянской республике 1905 г., об анархистском кружке в Самаре после революции, о своей работе врача, об аресте, следствии, суде и десятилетнем сроке в Печорлаге. Он рассказывал о том, что видел и пережил сам, и оставил свидетельства о судьбах

встреченных им людей. Записки деда оказываются источником и по истории крестьянской интеллигенции, и по русскому анархизму, и по местной истории — Старого Буяна, Южного Урала и Северного Казахстана, Самары и Печорских лагерей. Основная ценность его рукописного наследия в том, что он сумел предложить интерпретацию своей и народной судьбы, опираясь на собственные взгляды — в своей основе крестьянские и анархистские.

Сам он определял свои литературные занятия как «Пименскую работу», которая не ограничивалась констатацией фактов и политико-философским анализом, но подразумевала и использование приемов художественной литературы — в той мере, в какой эти приемы были для него значимы. Так, повествуя о своей любви к подруге детства, Тане Разумовской, он прибегает к стилистике сентименталистской литературы, а сатирически описывая своих недругов и мучителей, он вдохновляется произведениями Герцена и Салтыкова-Щедрина. Литературным и фольклорным формулам подчинено описание особо драматических моментов его жизни: картина счастья и довольства в конце 1930-х гг. необходима для того, чтобы оттенить черноту разверзшейся 19 декабря 1940 г. пропасти. Размышления героя о главном моменте его судьбы, аресте — это монологи, отшлифованные в течение всех тюремных и лагерных лет.

Свои литературные пристрастия Чекин высказывал в письмах. Первого августа 1959 г. он сообщал сыну и невестке: «Каждый вечер или пишу, или читаю до 12 часов ночи Герцена, Тургенева, Куприна и других и очень жалею, что в сутках 24 часа, а не 48 часов — времени не хватает для всех дел». Для сына он покупал книги — в 1967 г. отправил ему собрание сочинений Герцена и собрание сочинений Достоевского, надеялся также найти Леонида Андреева, «второго после Достоевского любимого писателя» (письмо сыну от 20 июня 1967 г.²), а мне он давал читать «Мертвые души» Гоголя. В «Повествовании Трудникова Петра Петровича» есть развернутые цитаты из «Кола Брюньона»

² К этому же письму он приложил наше написанное «в соавторстве» стихотворение «На Кондурче». Автора, то есть себя, он назвал своим обычным псевдонимом Фома Неверующий, а меня, «соавтора», Саввой Неверующим, пояснив, что Савва — герой драмы Леонида Андреева. Ничего напоминающего о радикальном богоборчестве и «последней крайней ярости против гнусностей жизни» андреевского Саввы в стихотворении нет. Цитату из «Саввы» см. в повести «Таня Разумовская».

Ромена Роллана. Но особое место в пантеоне деда занимали «светочи человечества», книги которых у него были конфискованы при аресте, и найти им замену вряд ли было возможно, — Прудон, Бакунин, Кропоткин. Их идеи он излагал по памяти, как по памяти цитировал «Заратустру» Ницше и записывал стихи поэтов-анархистов Анатоля Консе (Анатолия Иосифовича Кунцевича; 1897 — ?) и Александра Святогора (Александра Федоровича Агиенко; 1889–1937).

«Лагерных» произведений в то время было немного, и среди возможных образцов можно отметить разве только повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича», которую Чекин высоко ценил³. По крайней мере, к «Ивану Денисовичу» явно восходит название поздней повести «Иван Иванович» (1969). Валентина Борисовна Чекина (Гаврилова), вторая жена моего отца, вспоминает, что Чекин ездил к А.И. Солженицыну, когда тот жил в поселке Жуковка на даче М.Л. Ростроповича (с сентября 1969 г.). В конце «Повествования Трудникова...» в сводке событий за 1969 г. сообщается о пребывании Чекина в Москве в гостях у сына (откуда он в принципе мог ездить в Жуковку) в ноябре 1969 г.

Первая публикация литературного наследия С.Н. Чекина, осуществленная в 2013 г. благодаря поддержке Геннадия Аркадьевича Бордюгова, Стивена Козна и Катрины ванден Хювел, состояла только из автобиографической повести «Повествование Трудникова...» в существенно отредактированном виде⁴. Вместе с редактором-консультантом Михаилом Михайловичем Голубковым (при участии Елены Александровны Серебряник-Белл) мы ликвидировали повторы, логические противоречия, свободно изымая куски текста и дополняя повесть наиболее интересными и реалистичными, с моей точки зрения, фрагментами из других произведений. Это делалось, чтобы облегчить восприятие воспоминаний и довести их до возможно более широкого круга читателей.

³ См. в письме сыну от 30 апреля 1968 г.: «В посылке посылаю тебе и еще перочинный ножик, что сопутствовал мне в краях печорских много лет, как реликвию дней и годов моей жизни там и сделанный руками заключенных, подобных Шухову Ивану Денисовичу в повести Солженицына “Один день Ивана Денисовича”. Затем посылаю статуэтку Пушкина А.С. Эти две вещишки держи у себя в кабинете на столе».

⁴ Чекин С.Н. Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. М.: АИРО-XXI, 2013.

Однако в рецензиях⁵, в основанной на книге серии статей в «Самарской газете»⁶ и в исследовательской литературе⁷ подчеркивалась значимость воспоминаний С.Н. Чекина именно в качестве исторического источника, поэтому настоящая книга, «Воспоминания самарского анархиста», в большей степени соответствует сложившимся традициям издания исторических документов. О сохранившихся рукописях и принципах подготовки текста я подробно расскажу ниже. Начну же с другого существенного отличия новой книги: в приложении публикуются материалы следственного дела, с которым мне удалось частично ознакомиться в декабре 2014 г. в читальном зале общественной приемной ФСБ в Москве, куда это дело, № 16220, было переслано по моему запросу из Архива УФСБ России по Самарской области.

Большая часть дела была от меня скрыта — многие листы были обернуты белой бумагой и скреплены проволочными скобами. На белой бумаге, которой обернуты скрытые листы, стояла подпись и дата (18 ноября 2014 г.), а в одном случае, на первой по порядку обернутой пачке листов, также добавлена отметка «Документы в отн[ошении] других лиц». Судя по внутренним ссылкам в деле, на этих листах были заключения экспертов, в частности некоего Маликова, допросы свидетелей, а также материалы, относящиеся к подельнику Чекина учителю А.П. Смирнову. Но с остальными листами дела мне было разрешено работать столько, сколько мне было нужно, к тому же мне вернули девять из шестнадцати отнятых у деда при обыске фотографий — остальные были уничтожены или утеряны.

Когда мы с М.М. Голубковым работали над сводным текстом воспоминаний, то были уверены, что сотрудники Куйбышевского НКВД — НКГБ Печенкин, Селезенкин, Потрохов, да и Зайцев — обобщенные

⁵ Мартынов А. Врач за колючей проволокой. Анархисты и «Интернационал» над ГУЛАГом // НГ-Exlibris (приложение к «Независимой газете»). 2013. № 45. 12 дек.; Климов А. [Рец. на: Чекин С.Н. Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. М., 2013] // Записки Русской академической группы в США. 2016. Т. 39. С. 469–472.

⁶ Гриднева Т. Повествование врача Трудникова: Пять тетрадей мемуаров нашего земляка содержат бесценные свидетельства // Самарская газета. 2019. № 201, 206, 212, 219. 5, 12, 19, 26 окт.

⁷ Faraldo J.M. La Revolución rusa. Historia y memoria. Madrid, 2017. См. главы 8 и 9; MacInnes K. When Russia Did Democracy: From St Vladimir to Tsar Putin. Stroud: Amberley Publishing, 2023. P. 69–70, 274.

персонажи. Но нет, вот передо мной подпись начальника следственной части лейтенанта госбезопасности Зайцева, а вот и старший лейтенант госбезопасности Печенкин вместе с сержантом Долбилиным допрашивают моего деда, где-то под допросами подпись младшего лейтенанта А.Н. Ефремова, иногда берет руководство допросами младший лейтенант Федотов. Насчет стенограмм допросов я принял принципиальное решение — не публиковать и не цитировать показания, данные под пытками. Какие-то «признания» даны под диктовку мучителей, какие-то узник давал, намеренно вводя в заблуждение следователей. Другое дело — документы, составленные судом, следствием и надзорными инстанциями, которые представляют собой правдивые свидетельства о методах и задачах работы этих органов.

В изученном мной деле скопированы некоторые из конфискованных при обыске вещественных доказательств. Это прежде всего черновики крамольных стихов. Художественная их ценность невелика, но подрывные намерения автора налицо, как, например, в «Послании Максиму Горькому»: «Максим, от трусости вначале, от дряхлости теперь, вождем не быть тебе отныне и до века, рожденный ползать — умрет рабом». В других стихотворных набросках Чекин воспекает черное знамя труда, мечтает об исчезновении деспотизма — земной власти. Копии черновиков испещрены красными следовательскими или прокурорскими подчеркиваниями. Неясно, какого времени эти подчеркивания, то ли 1940–1941 гг., когда проводилось следствие, то ли 1957 г., когда дело пересматривалось, а может быть, и 1992 г., когда автор был реабилитирован. Подчеркнуты такие мысли: «Рад бы заснуть, но не спится // От бури и бунта в душе...»; «Верь мне, сын, я это знаю, // Час расплаты им придет, // За обман, за кровь и слезы // Бунт потребует отчет».

Также в деле скопированы два «крамольных» письма. Одно, датированное 4 июня 1935 г., — от брата Александра из Югославии, который говорит о погибшем в сталинском концлагере брате Дмитрие. Красным подчеркнуты фразы: «Кто за свободу погибает, тот не умирает» и «Уйдут одни, на смену им придут другие, чтоб засвидетельствовать любовь к отеческим гробам». Другое, датированное 26 мая 1929 г., — от соратника-анархиста Николая Котова. Здесь подчеркнуто красным: «Сереза! Мысли свои высказывать вслух, а тем более на бумаге, не следует, и тебе этого делать не советую». Совета этого Чекин не послушал, а продолжал говорить и писать — и до ареста, и в лагере, и после

освобождения. Сочинял стихи, излагал в форме диалогов анархические идеи, которым оставался верен с юности, и написал несколько повестей, основанных на собственных воспоминаниях и рассказах других людей.

В настоящее время литературное наследие Чекина содержится в восемнадцати общих тетрадах по 96 листов (17 тетрадей большого формата 28 x 20 см, а одна 20 x 16,5 см, но с дополнительно вшитыми двумя тетрадками, 36 и 24 листов). Пять из восемнадцати тетрадей содержат большую повесть о жизни автора, «Повествование Трудникова Петра Петровича», которая и составляет основу настоящей книги. Герой повести, автобиографический персонаж врач Трудников (в тексте часто именуемый также Сергеем Петровичем) пересказывает свою жизнь Рассказчику, который познакомился с ним «в бытность мою в стране полунощной» и единственной функцией которого является запись трудниковских воспоминаний. Биография автора в этой повести отражена наиболее полно и многосторонне. Из пяти тетрадей публикуются начальные три с половиной. Другие разделы четвертой и пятой тетрадей в основном имеют характер частной семейной хроники и не предназначены для широкой аудитории. Изъят также один абзац в конце публикуемого текста, который может показаться обидным ныне живущим родственникам автора. Соответствующая лакуна отмечена многоточием в ломаных скобках.

В тетрадах блоки текста автор разделил звездочками. Сохранив это членение текста, я в дополнение разделил публикуемый текст «Повествования Трудникова...» на восемнадцать глав и дал им названия (в квадратных скобках).

В двух малых повестях автобиографического характера, каждая из которых занимает одну тетрадь, акцентируются отдельные эпизоды из жизни автора, с биографией которого в целом совпадает канва жизни Сергея Терехова, главного героя «повести-романа» «Таня Разумовская», и Ивана Ивановича Иванова, главного героя повести «Иван Иванович».

Для обозначения автора «Тани Разумовской» С.Н. Чекин использует псевдоним Фома Неверующий. «Таня Разумовская» представляет собой идеализированную историю любви автора к подруге детства, которую он надолго потерял из вида, но вновь встретил в Печорском лагере. Рассказ то ведется от первого лица главного героя Сергея Терехова, то переключается на повествование от третьего лица. Повесть «Иван Иванович» посвящена тюремному периоду в жизни героя: в ней

рассказывается об аресте главного героя, допросах и пересыльных тюрьмах и суде над ним. Многие эпизоды в повести «Иван Иванович» излагаются сходно (с несущественными вариантами) с тюремными разделами «Тани Разумовской» и «Повествования Трудникова...». Расхождения между текстами позволяют вычленить чисто фольклорную или литературную составляющую той или иной повести. Так, в отличие от «Тани Разумовской» и «Ивана Ивановича», в «Повествовании Трудникова...» герой под конец пребывания в жаркой камере-душегубке прощается с жизнью и теряет сознание. Только в «Повествовании Трудникова» сон, который видит герой накануне суда, начинается с пространной историко-политической аллегории — описания вселенского дерева Власти-Насилия и его ветвей. Согласно «Повествованию Трудникова...» Таня умерла осенью за год до освобождения рассказчика, а в «Тане Разумовской» героиня умирает весной: по-видимому, смерть героини весной, накануне долгожданного освобождения, показалась автору более убедительным завершением трагической любовной повести.

По сравнению с автобиографическими повестями, в повести «Особорежимная пятнадцатая», занимающей полторы тетради, доля художественного вымысла либо устной лагерной традиции более заметна. Для обозначения авторства Чекин использует привычные псевдонимы: «Трудников Сергей, он же Фома Неверующий», но автобиографический персонаж является персонажем второстепенным (здесь он назван врачом Старотопным от вымышленного названия Старотопное, под которым фигурирует в автобиографической прозе Старый Буян). В центре повести событие, которое автор сам не наблюдал. С одним из двух главных героев повести, руководителей лагерного восстания на штрафной колонне № 15 пятого строительного отделения Северо-Печорского исправительно-трудового лагеря Д.М. Минклевичем, автор был знаком, мог встречаться и со вторым героем, Я.И. Сушковым. Но знакомство это состоялось не ранее 1947 г., а об их тюремной биографии до прибытия в лагерь автор не знал. Эту биографию он выстроил по образцу собственной, поместив их в Сызранскую пересыльную тюрьму, а затем отправив по железной дороге в Печорлаг. В наполняющих повесть пространных диалогах Минклевича и Сушкова о государственной власти и об их разочаровании в «нелепом так называемом учении Маркса

о классовой диктатуре» переданы политические воззрения самого автора. Присочиненная часть тюремной биографии Минклевича и Сушкова перешла и в повесть «Таня Разумовская», где упоминается об их пребывании в сызранской пересыльной тюрьме в 1941 г.

Что же касается истории самого восстания, то описание боевых действий и трагической гибели восставших явно опирается на лагерный фольклор. Исследовательница, опубликовавшая специальную работу о лагерном восстании 1948 г., так описывает бытование этого лагерного фольклора: «Встречаясь в лагерных больницах, на пересылках, заключенные обменивались такими рассказами. Недостаток точных сведений восполнялся догадками, аналогиями и воображением. Слухи распространялись, обрастая все новыми подробностями. Многократно переданные из уст в уста, они оттачивались, все более превращаясь в легенды»⁸. Сходные легенды не всегда восходят к одному и тому же событию. Летом того же 1948 г. произошли групповые вооруженные побег в Воркутинском и Обском лагерях. Многократно преувеличенные молвой, эти события, так же как и восстание под руководством Минклевича и Сушкова, стали частью гулаговской мифологии⁹. Но у Чекина были и свои знакомые уникальные очевидцы, и, возможно, нам известна фамилия одного из них (если она не была изменена автором), а именно заключенного врача из лазарета пятого строительного отделения Федина, которому было поручено составление актов о смерти восставших заключенных¹⁰. Соответствующие фрагменты

⁸ См.: *Самовер Н.В.* Что же было на Мульде? Легенда о лагерном восстании. <http://represnews.blogspot.com/2014/01/blog-post.html>

⁹ См.: *Козлов В.А.* Введение // История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных / Отв. ред. и сост. В.А. Козлов, сост. О.В. Лавинская. М.: РОССПЭН, 2004. С. 77–79.

¹⁰ В повести «Особорежимная пятнадцатая» сказано следующее: «Подавив восстание, начальство концлагеря, пятого отделения вызвало в комиссию из пятого концлагерного лазарета врача Федина, отбывающего срок заключения по пятьдесят восьмой, для составления актов о смерти на месте боя у балластного карьера. Составили и подписали на каждого убитого по четыре акта о их смерти: один для личного дела Главного Печорского управления концлагерей, второй для Печорского санитарно-лечебного управления, третий по месту судимости и четвертый для Главного Всесоюзного управления концлагерями в Москву». В другом месте повести, в рассказе о жизни Сушкова в лагере, Федин назван его одноэтапником, однако в описании самого этапа среди обитателей вагона, в котором ехали Минклевич и Сушков, упомянут «врач Федоров тридцати трех лет из армии».

«Особорежимной пятнадцатой» использованы в примечаниях к «Повествованию Трудникова...», одна из главок которого также посвящена восстанию на особорежимной пятнадцатой колонне.

Две тетради содержат варианты повести-жизнеописания уроженца Старого Буяна агронома Григория Доронина. О герое этого произведения упоминается и в «Повествовании Трудникова...». В вариантах повести о Доронине Чекин изменил одну букву в фамилии героя, назвал его Дорогиным и описал его злоключения в период Первой мировой и Гражданской войн и постоянные проблемы на службе в советское время. Один вариант озаглавлен «Жизнь неудачника Дорогина Григория», в качестве автора-рассказчика выступает Сергей Терехин. В предисловии говорится о том, как рассказчик после многолетнего отсутствия приехал в родное село Старотопное и встретился с родственницей Дорогина Лизаветой в ветхом доме в конце кладбищенской улицы, она и «вынула из-за божницы тетрадь», которую у нее забыл Дорогин, и передала рассказчику. «Простился с Лизой, а уходя от нее, незаметно положил ей на стол все имеющиеся у меня деньги и на попутной машине уехал в город». Другой, более поздний, исправленный вариант озаглавлен «Скованный Прометей», автор обозначен как «Трудников Сергей, он же Старотопный, он же Фома Неверующий». Сюжета о приезде автора в Старотопное и встрече с Лизаветой в этом варианте нет.

В той же тетради, что и «Скованный Прометей», записан рассказ «Погубленные властью», о Яне с «прибалтийской фамилией» Званзгия (Занзгия, Званзигня), то есть, по-видимому, с распространенной латышской фамилией Звайгзне (Звайзгне). Герой, художник «пейзажист и портретист», был арестован в феврале 1938 г. и оставил рукопись о своем тюремном опыте. Первая из тюрем, в которых он приобретал этот опыт, находилась в том же городе, где он и жил, вероятно, в Саранске. Как-то следователь привел его в кабинет наркома безопасности Мордовской АССР¹¹ и доложил, что Ян отказывается давать показания. Нарком «свирым голосом крикнул: расстрелять!». Но Яна не расстреляли — вскоре посадили наркома, когда начали заменять ежовские кадры бериевскими. После недолгого пребывания на свободе Ян был вновь арестован в конце 1940 г. Все это мы узнаем от рассказчика по

¹¹ По-видимому, Н.В. Красовский, нарком УНКВД Мордовской АССР в 1937–1939 гг.

фамилии Старотопнов, который получил рукопись от пожилой женщины, знакомой семьи Яна. О самом же Старотопнове, помимо его фамилии, мы узнаем совсем немного, и это немногое не соответствует биографии Чекина: он в студенческие годы приезжал на каникулы к Яну и родителям в районный городок за Волгой, так как своих близких у Старотопнова, в отличие от Чекина, не было. Прототипом Старотопнова мог быть круглый сирота Иван Николин, который упоминается и в автобиографических повестях, и в находящейся в той же тетради повести «Скованный Прометей».

В двух тетрадях собраны стихотворения. Один сборник (единственная тетрадь малого формата 20 x 16,5 см) назван «Царство властей — царство цепей: размышления в стихах», а автор обозначен как Фома Неверующий, на другом просто указан псевдоним Фома Неверующий. Кроме собственных, в тетрадях содержатся три стихотворения других авторов, записанные по памяти. Два из них принадлежат Анатолю Консе «Человеку» («Над миром грохочет наш Черный Набат...», 1921)¹² и Александру Святогору «Бессмертья комитеты» («Мой дерзок дух, его дорога в космос...», 1921)¹³. Третье стихотворение — вариант «Послания евангелисту Демьяну» («Я часто думаю — за что его казнили?», 1926), приписывавшегося Сергею Есенину, но, по всей видимости, созданного Н.Н. Горбачевым¹⁴.

В собственных стихотворениях Чекина иногда отражены темы его автобиографических тетрадей. Так, в стихотворении «На Кондурче» Таня Разумовская — «столбовая дорога» жизни, каковой она предстает

¹² См.: Песни труда: сборник революционных песен и стихотворений. Буэнос Айрес: Издание Федерации российских рабочих организаций Южной Америки, 1923. Вып. 2. С. 89–91. Ссылку на публикацию 1921 г. (Вольная жизнь 1921. № 13–14. С. 3) см.: Heller L. Voyage au pays de l'anarchie. Un itinéraire: L'utopie // Cahiers du monde russe. 1996. Vol. 37. № 3. P. 273. В тетрадях оно названо «Юношеству — молодежи (автор инкогнито)» и «Человеку». Первые строки «Над миром гремит анархизма набат...», «Над миром грохочет свободы набат...».

¹³ Ссылку на публикацию 1921 г. (Универсал. 1921. № 3/4. С. 15) см.: Marder M. The Fire of Rebirth in the Writings of Aleksandr Svyatogor // Cosmic Bulletin. 1922. № 14 (<https://cosmos.art/cosmic-bulletin/2022/the-fire-of-rebirth-in-the-writings-of-aleksandr-svyatogor>). В тетрадях стихотворение названо «Человеку (автор инкогнито)», «Размышление космополита».

¹⁴ См.: Есенин С. Полное собрание сочинений: В 7 т. Изд. 2-е. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» / Сост., подгот. текстов и коммент. С.П. Кошечкина и Н.Г. Юсова. С. 530–533.

и в повести «Таня Разумовская». Другие стихотворения — политические и философские. Среди «кустарных», по собственному определению Чекина, обычно раешных стихов редко встречается более стройная строфа: «Родился я все же рано, / Раньше правнуков моих, / Потому идет не в ногу / Мой космополитный стих». «Космополит» в его поэзии — практически синоним слова «анархист», и даже в своем стихотворении-завещании он просил написать на надгробном памятнике слова «Здесь лежит Чекин Сергей космополит». Сделать эту надпись семья пока не решается, хотя в остальном памятник отражает волю поэта: «Железный столб, но без креста, вверху шар-глобус со звездой...» Согласно программному стихотворению «К грядущему», будущее человечества — в полной свободе без границ:

Мне хотелось бы воскреснуть
 Через сотню лет весной,
 Посмотреть, услышать,
 Как живет весь род людской.
 Есть ли песни новые
 В свете солнечных лучей,
 Песни новые, веселые,
 Без религий и властей.
 Есть ли доля человеку
 По земле ходить без пут,
 Есть ли всюду, всюду
 Всем и каждому приют.

Наконец, пять из восемнадцати сохранившихся тетрадей озаглавлены «Манифест к народам мира о хлебах насущных в письмах Фомы Неверующего». Предисловие к этому труду начинается с описания событий 1905 г., с воспоминаний о Старобуянской республике. Через несколько лет в село переехал Фома Петрович, которого прозвали Фома Неверующий, с ним автор подружился, а после возвращения из концлагеря узнал, что Фому Неверующего увезли на «черном вороне». Вдова передала рассказчику (Сергею Петровичу) сохранившиеся тетради Фомы. Они содержат 83 философских письма, где излагаются основы анархистского учения и описывается будущая жизнь «без храмов», которая настанет тогда, «когда будет равенство в хлебах, когда земля станет родиной для народов всего мира, когда исчезнут государства во имя человека и труда». Будущее всенародное бесклассовое общество, по С.Н. Чекину, будет координировать производство и потребление через «планово-экономические

статистические кооперативные советы трудящихся» разных уровней, от местного до всемирного, без институтов насилия и принуждения. Большинство писем заканчиваются формулой: «Народы, разбейте скрижали государства! Друг народа Фома Неверующий».

Возможно, четыре несохранившихся «дневника», изъятые при аресте и приобщенные к следственному делу в 1940 г., были ранними вариантами большой повести о жизни автора. На фотографии, помеченной на обороте «1959 г. февраль, занятия после болезни», автор сидит за столом и, по-видимому, переписывает явно не стихотворный текст из одной тетради в другую. Но все сохранившиеся тетради, судя по цене (95 копеек), указанной в выходных данных, заполнялись после денежной реформы 1961 г.

Из пяти тетрадей «Повествования Трудникова...» первая писалась не ранее осени 1963 г.¹⁵ к своему самому большому из сохранившихся автобиографических текстов автор приступил после выхода на пенсию 1 сентября 1963 г., когда, наконец, появились условия для регулярных литературных трудов¹⁶. Публикуемый в данной книге текст «Повествования Трудникова...» занимает первую, вторую, третью и большую часть четвертой тетради. Он был завершен к концу 1964 г.¹⁷ Далее в четвертой тетради дается сводка семейных событий 1964 г., потом повествование продолжено в виде ежегодных «годовых отчетов». Характерное отличие годовых отчетов от предшествовавшего текста в том, что автор постепенно переходит с вымышленной топонимики на реальную (вместо Смуров, Старотопное, Зигзага начинает писать Куйбышев, Старый Буян, Кондурча). Частично эти «отчеты» составлены во втором лице, как обращение к внуку. Четвертая тетрадь оканчивается экскурсом о Василии Котельникове, под именем которого Чекин описал своего друга детства Васю Козлова¹⁸. В главах о дошкольных

¹⁵ Согласно первой тетради, брату Александру 76 лет. Александр Николаевич родился 26 августа (7 сентября) 1887 г.

¹⁶ Вероятно, сыграли свою роль публикация «Одного дня Ивана Денисовича» в ноябрьском номере «Нового мира» за 1962 г. и выход большим тиражом двух отдельных изданий в 1963 г. Чекин иногда возвращался к врачебной работе, но главным делом жизни считал писательство.

¹⁷ В четвертой тетради, в конце публикуемого текста, отмечается, что «идет уже конец шестьдесят четвертого года».

¹⁸ Экскурс о Котельникове — Козлове опубликован в кн. *Чекин С. Н. Старый Буян, Самара*, Печорлаг. С. 56–58.

и школьных годах «Повествования Трудникова...» автор забыл его упомянуть, но о Козлове подробно говорится в разделе о детских годах в повести «Таня Разумовская». Вероятно, повесть «Таня Разумовская» также следует датировать осенью 1966 г. или более поздним временем.

За пятую тетрадь «Повествования Трудникова...» автор принялся осенью 1967 г. Первая годовая сводка событий в этой тетради, составленная осенью 1967 г., начинается с описания зимы 1966–1967 гг., завершается событиями лета 1967 г., но также содержит экскурс о государственной власти, который суммирует анархистские воззрения автора. Наконец, последняя сводка, за 1968 и 1969 гг., по-видимому, составлена после ноября 1969 г.

Письма автора родным, в которых упоминаются некоторые из произведений, дают возможность более точной датировки и других повестей. Письмо от 24 января 1965 г., адресованное сыну и невестке, сообщает: «Продолжаю усиленно работать над “Особорежимной” и к 4 февраля — 10 февраля закончу набело». В письме от 17 марта 1969 г., адресованном мне, говорится: «...в основном я сейчас пишу повесть “Иван Иванович” и буду писать несколько месяцев». Итак, хронологическая последовательность четырех повестей такова: основной текст «Повествования Трудникова...» (1964), «Особорежимная пятнадцатая» (январь — февраль 1965 г.), «Таня Разумовская» (осень 1966 г. или позднее), «Иван Иванович» (1969).

Задуманное и начатое как художественное произведение (отсюда и фигура Рассказчика, и изменение основных личных имен и топонимов, и рассказ о себе в третьем лице), «Повествование Трудникова...» постепенно все более воспринималось автором как набор чернового автобиографического материала. В этом тексте почти не видны умолчания, связанные с оглядкой на цензуру или самоцензуру¹⁹. Автобиографический материал «Повествования Трудникова...» затем использовался для создания «малых повестей» о любви («Таня Разумовская») и о тюрьме («Иван Иванович»). Расхождения в фактической информации могли быть вызваны как ошибками памяти, так и значимыми для автора требованиями литературного стиля, но доля сочиненного или воспроизводимого с чужих слов здесь также невелика.

¹⁹ Исключениями, возможно, являются судьбы двух дочерей автора и в особенности его брата Петра, скрывшегося от властей в Средней Азии.

Опробованный на своей биографии метод беллетризации Чекин затем применял к жизнеописанию Григория Доронина, а также к биографии Яна Звайгзне, которая, возможно, целиком известна ему с чужих слов.

Читатель, ожидающий найти в книге очередные «лагерные» произведения, обнаружит, что автор не ориентировался на складывавшуюся в оттепельной и постоттепельной литературе трактовку исторических событий тех лет. Вот как он комментировал нападение Германии на СССР: «Это известие нас не обрадовало и не опечалило: у каждого была своя несчастная судьба тяжелее, чем война, которая казалась второстепенным делом, как и все прошлые войны народов Земли». Смерть Сталина Чекин упомянул только вскользь, без слез, но и без восторга («хватил его кондрашка»), лишь с сожалением, что «не нашлось достойного человека, чтоб избавить народ от тирана». А вот его отзыв о преемнике Сталина в «Иване Ивановиче»: «Вначале его преемник начал разоблачать злодеяния Джугашвили, но вскоре поперхнулся и замолчал, а потом за экономический развал страны партия марксистов удалила Никиту Хрущева на покой».

Все, что связано с историей государства и его аппарата насилия, составляет общий мрачный фон повествования; действия земных властей служат поддержанию и усугублению гнета. Но общественный контекст личной истории Петра Петровича Трудникова (в «Повествовании Трудникова...»), Сергея Терехова (в «Тане Разумовской»), Ивана Ивановича Иванова (в «Иване Ивановиче») не ограничивается этим мрачным фоном. Значимыми историческими событиями для деда были те, в которых проявлялась революционная творческая энергия народа, — такие как провозглашенное в 1905 г. в Старом Буяне народное самоуправление и как лагерное восстание 1948 г., возглавленное Минклевичем и Сушковым. Материалов об этих событиях сохранилось немного, что подчеркивает важность воспоминаний деда как исторического свидетельства.

Повести переполнены философскими и политическими отступлениями, излагающими теорию экономической свободы без политической диктатуры партии и содержащими жесткую критику «марксистов» (термин, который автор предпочитал применять к своим идейным противникам и мучителям). Чекин не признавал диктатуру партии после победы революции — диктатуру с целью «стегать самих себя

во имя политической, экономической и моральной свободы, а ведь свобода и любая диктатура исключают друг друга». Подобные рассуждения и были оценены в 10 лет заключения с последующим поражением в правах.

Автор получил высшее образование, хотя и в тяжелые послереволюционные годы. Он много читал. Но в его текстах нередко попадаются грамматически неуклюжие обороты, такие как нанизанные друг на друга многоступенчатые падежные конструкции. Падежи определений и определяемых слов иногда не согласуются между собой, пропускаются связки, причем чаще это происходит в философских и политических экскурсах и реже при живом течении речи рассказчика. В рукописях очень мало исправлений — вероятно, Чекин записывал свои мысли и редко вычитывал и редактировал записанное. Сохранились только два текста, которые можно считать двумя вариантами одного произведения, а именно повесть, названная в первом варианте «Жизнь неудачника Дорогина Григория», а во втором — «Скованный Прометей». Во втором варианте грамматических неуклюжестей и описок гораздо меньше, чем в первом.

В настоящем издании явные описки исправлены, падежи согласованы, правописание стандартизировано: я менял «отцев» на «отцов», «карандашем» на «карандашом», «колону» на «колонну», заменял старую орфографию на новую в словах «средняго», «крайняго», «никакая» и т.п., удалял эпентетическое «о» («гимон», «гимона») или вставлял его же (в тетрадах есть написания и «шептом», и «шепотом»). Все эти исправления не оговариваются. В тех случаях, когда я вставлял в текст дополнительные слова, облегчающие его понимание, я брал их в квадратные скобки («лишил меня [возможности] иметь»). Я также менял «время» на «времени», когда оно должно стоять в родительном падеже, «жизней» на «жизнью» — в творительном, исправлял творительный падеж псевдонима «Сталином», написание безударной гласной в «вырастают» и проч. Однако диалектные формы («самородина»), устаревший род существительных («в санаторию», «на рояли»), исторические термины («заведывающий школой», «марксиды») не стандартизировались. Снимались повторы в том случае, когда они с большой вероятностью допускались автором по невнимательности («От неожиданности и испуга лицо старшины от ямочек на щеках приняло выражение смеющегося от испуга»; «вскоре туда прошел и вышел через десять минут

следователь МГБ Зайцев и вышел через десять минут»; «в свободное время от работы в лазарете выйти за зону от работы в лазарете»). Немногочисленные случаи исправления смысловых ошибок или логических противоречий оговорены в примечаниях. Документы карательных органов издаются с сохранением всех особенностей их орфографии.

Благодарю Александра Михайловича Фрида за дружеские советы при подготовке этой книги.

Л. С. Чекин